

ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕДЪ СОВРЕМЕННОЮ
СОЦІАЛЬНОЮ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЮ

Приложение къ журналу « ПУТЬ »

Готовится къ печати:

А. В. КАРТАШЕВЪ. — Церковь и Государство.
С. ТРОИЦКІИ. — Просноудъ 1882 г. и подготовка къ Собору.

РЪЧИ

Н. А. БЕРДЯЕВА, В. Н. ИЛЬИНА, Г. П. ФЕДОТОВА,
Прот. С. БУЛГАКОВА

въ открытомъ собраніи Религіозно-Философской
Академіи.

Printed in France.

YMCA PRESS
PARIS 1982

#52,240

Katalog

ХРИСТИАНСТВО ПЕРЕДЪ СОВРЕМЕННОЮ
СОЦІАЛЬНОЮ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЮ

Н. А. БЕРДЯЕВЪ

Открывая сегодняшнее наше собрание, (которое я начну съ собственной рѣчи, чтобы потомъ перенести слово другимъ участникамъ), я предполагаю сдѣлать общее введеніе въ нашу сегодняшнюю бесѣду на тему о христіанствѣ передъ современной социальной дѣйствительностью, поставить проблему во всей остротѣ насколько возможно, умышленно и сознательно заострить эту проблему, такъ какъ это мнѣ представляется болѣе правильнымъ, чтобы обратить на нее вниманіе и вызвать соответствующую реакцію.

Когда я думаю надъ этой темой — о христіанствѣ и современной социальной дѣйствительности, мнѣ всегда приходитъ въ голову мысль о томъ, что несчастіе христіанства, по крайней мѣрѣ въ періодъ новой исторіи, въ періодъ ряда столѣтій, было въ томъ, что христіане все дѣлали со страстнымъ оцѣданіемъ, дѣлали тогда, когда то, что нужно было сдѣлать, было уже сдѣлано или не христіанами, или людьми враждебными христіанству. Христіанство же дѣлало это post-factum, послѣ того, какъ уже осуществилась новая дѣйствительность, въ ней приходилось жить и нельзя было не опредѣлить къ ней отношенія, но творческой инициативы не было у христіанъ на протяжении ряда столѣтій въ социальномъ отношеніи. Я говорю здѣсь не о внутренней духовной жизни людей, въ этомъ отношеніи христіанство всегда дѣлало свое дѣло, а объ отношеніи христіанъ къ социальному и культурному процесу.

су, къ тѣмъ жизненнымъ проблемамъ, которыя постоянно ставятся въ исторіи.

Каждое время ставитъ свои новыя проблемы. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что социальное и культурное творчество, социальное реформированіе и улучшение жизни, уничтоженіе рабства, жестокихъ наказаній, достиженіе новыхъ формъ власти, острая постановка социального вопроса, техническія открытія, — все это въ довольно долгій періодъ не по инициативѣ христіанъ дѣлалось и только потомъ христіане это признавали, часто съ начала отрицали и позже принимали съ нѣкоторымъ ужасомъ. Вотъ это есть очень тревожная и безпояная проблема, надъ которой нужно задуматься.

Процессы улучшения, гуманизации, освобожденія въ социальной жизни людей стали возможны только вслѣдствіе благотатнаго дѣйствія христіанства на человѣческую душу. Я думаю, что это именно такъ, что лишь вслѣдствіе внутреннего сокровеннаго, часто незримаго и неуловимаго для насъ дѣйствія христіанства на человѣческую душу стала возможенъ рядъ измѣненій, улучшеній жизни. Рабство безъ христіанства можетъ быть ни когда не было бы уничтожено. Это все вѣрно, но, увы, слышь да рядомъ не сами христіане дѣлаютъ то, что стало возможно только потому, что христіанство въ мирѣ явилось. Это есть тревожный вопросъ для христіанскаго сознанія. Вѣдь часто утверждать и до сихъ поръ, и можетъ быть сейчасъ даже сильнѣе, чѣмъ когда либо, что христіанину ничего другого не остается, какъ поддерживать существующій строй жизни, что это будто бы всегда такъ и было, и христіанство будетъ поддерживать всякій строй жизни, который станеть существоющимъ. Черезъ нѣкоторое время, когда онъ станеть твердымъ и устойчивымъ, христіанство его признаеть. Вотъ такое консервативно-нетворческое отношеніе къ тому, что происходитъ

въ жизни, по разному оправдываетъ христіанское сознаніе. Это часто выводитъ изъ ученія о грѣхности человѣческой природы и ложнаго пониманія смиренія, изъ взгляда на страданія въ жизни, какъ на спасительныя для человѣческой души, наконецъ, изъ принципа освященія всякой власти, какъ идущей отъ Бога. Этимъ, конечно, страшно принижается творческая и преобразующая, активная роль христіанства въ мирѣ. Изъ истины о грѣхности человѣческой природы — а нужно сказать, что этой истиной безмѣрно злоупотребили не для борьбы съ грѣхомъ, а для покорности грѣху, — совсѣмъ не слѣдуетъ того, что нельзя бороться съ социальной проэктіей грѣха, какъ не слѣдуетъ того, что не должно бороться съ личнымъ грѣхомъ въ своей личной жизни, не слѣдуетъ, что нельзя стремиться къ преобразенію жизни, къ улучшенію жизни. Такимъ образомъ создается подавленная и упадочная настроенность, которая неизбѣжно дѣлаеть человѣка пассивнымъ въ отношеніи происходящаго социального процесса. Наконецъ, очень часто говорятъ, что христіанство потому не можетъ играть активной роли въ социальномъ реформированіи жизни, что оно не можетъ прибѣгать къ насилию, между тѣмъ, какъ социальное улучшение измѣненій жизни заключаетъ въ себѣ элементы насилія, что поэтому оно не можетъ осуществлять социальной правды, что ее легко осуществить тѣмъ, которые принципиально допускаютъ это насиліе. Но когда это говорить, то забываютъ только одну очень страшную вещь, — то, что христіане совершали величайшія насилія на протяженіи всей исторіи, вовсе не для осуществленія социальной правды, а для поддержанія социальной неправды. Въ этомъ, я думаю, ужасъ положенія и внутреннего неискренности аргуменста. Смирненіе есть, вѣдь, сокровенный внутренний духовный актъ въ духовномъ пути человѣка и

смирение совѣтъ не есть покорность передъ соціальной неправдой. Совѣтъ не значитъ, что достигъ духовнаго смиренія въ христіанскомъ смыслѣ чловѣкъ, который внѣшне смиряется передъ соціальной неправдой. Ужасно, наконецъ, то, что христіанское сознание, христіанскія соціальныя категоріи мысли и самъ языкъ церкви страшно отстаютъ отъ соціальной дѣятельности и отъ того, что происходитъ въ мірѣ, и совѣтъ уже никакимъ реальностямъ не соответствуетъ. Нѣкогда учителя церкви находились въ соответствии съ соціальной дѣятельностью своего времени, они творчески пытались отвѣчать на ея запросы. Таковъ былъ напр. Св. Іоаннъ Златоустъ. Такъ было еще въ средніе вѣка — соціальный языкъ церкви соответствовалъ соціальной дѣятельности и тѣмъ процессамъ, которые въ ней происходили. Но сейчасъ, въ нашу эпоху, и соціальное мышление и соціальный языкъ церкви представляются совершенно архаическими, не соответствующими никакой реальности, какъ будто бы христіане живут не въ томъ мірѣ, которымъ окружены. Безспорно церковь по природѣ своей обращена прежде всего къ вѣчности и проповѣдуетъ вѣчныя истины, которыя не ветшаютъ отъ смѣны вѣковъ, которыя не ветшаютъ въ самомъ существанномъ и главномъ отъ соціальныхъ и культурныхъ процессовъ, которые въ мірѣ происходятъ. Но, вѣдь, христіанская церковь существуетъ и во времени и въ историческомъ мірѣ, въ соціальной дѣятельности, она обращена не только къ вѣчности, но она обращена неизбѣжно и къ времени и неизбѣжно во времени дѣйствуетъ. Это отрицать совершенно и никакъ невозможно, это есть двойное положеніе церкви и двойной планъ, въ которомъ ей приходится дѣйствовать. Какъ бы мы ни посмотрѣли на вѣчныя основы церкви и духовной жизни,

церковь не можетъ оградиться отъ того или иного отношенія къ соціальной дѣятельности. Она опредѣляется неизбѣжно свое отношеніе къ государству той эпохи, въ которой она существуетъ, имѣетъ свое право, свое хозяйство. Отъ этого не могутъ ограждаться и монастыри, которые тоже имѣютъ свою соціальную сторону, свое хозяйство. Эта вещь несомнѣнная. Между тѣмъ, въ христіанскомъ сознаниі, по крайней мѣрѣ въ его преобладающихъ формахъ, соціальный вопросъ, который въ какомъ то смыслѣ существовалъ во всѣ времена, потому что человечество существуетъ въ соціальной жизни, — продолжаетъ представляться вопросомъ личной благотворительности и личного милосердія, какъ будто-бы и въ наше время единственное христіанское разрѣшеніе соціального вопроса есть — помощь бѣднымъ, благотворительность. Но соціальный вопросъ сталъ совершенно инымъ. Онъ дѣлается вопросомъ соціального права прежде всего, а не вопросомъ благотворенія, такъ ставится и такъ сейчасъ разрѣшается. Нужно сказать, что западное христіанство и въ формѣ католической, и въ формѣ протестантской постоянно дѣлало усилія привести себя въ соответствие съ происходящимъ соціальнымъ процессомъ, съ измѣнившейся соціальной дѣятельностью и опредѣлить къ этой дѣятельности свое отношеніе. Католичество, хотя и съ большимъ опозданиемъ, все-таки сейчасъ пытается официально, черезъ папскія энциклики, ставить соціальный вопросъ и оно осуждаетъ капиталистическую систему, имѣетъ свою систему оправданія формъ рабочаго движенія. То же самое можно сказать и о протестантскомъ мірѣ. Напримѣръ англо-саксонское протестантство наиболѣе соціальное, если его сравнить съ нѣмецкимъ лютеранствомъ. Особенно англиканское христіанство носитъ очень сильно выраженный соціальный характеръ, настолько, что

сомъ. Никакихъ, въ старомъ традиціонномъ смыслѣ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ не будетъ. Радикально мѣняется отношеніе между церковью и государствомъ и передъ церковью встаютъ новыя задачи, иная дѣятельность государственная и предполагаетъ коренную переработку вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Никакого возврата къ патріархальнымъ формамъ монархія въ старомъ смыслѣ слова ожидать нельзя. Есть основная тенденція нашей эпохи и тенденція мировая къ тому, чтобы общество и государство вылились въ ту форму, которую я назвалъ бы рабочей демократіей. И стоитъ задача завоеванія ея для христіанства. Возможно явленіе новаго Константина Великаго изъ нѣдръ рабочей демократіи. Я употребляю имя Константина символически, не имѣя въ виду какой-либо опредѣленной личности или формы. Основные задачи, которыя поставлены современной социальной дѣятельностью, таковы, что никакихъ готовыхъ рѣшеній христіанскихъ тутъ нѣтъ, не только потому, что могло бы быть много рѣшеній и нѣтъ одного обязательнаго и единственнаго, а и потому, что ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ для нашего православнаго сознанія. Это проблема преодоленія капитализма, проблема использования техники для освобожденія, а не для подавленія человѣческаго духа, проблема новой организаціи труда и трудящихся, — мирового урегулированія экономической жизни, — все это какъ разъ проблемы совершенно иного ряда, чѣмъ тѣ, которыя ставятся въ мышленіи и архаическомъ языкѣ людей церкви. Къ нимъ христіане должны опредѣлить свое отношеніе, т. е. христіанство должно войти творческой и просвѣтляющей силой, производящей трансформацию міра. А міръ вступилъ не только въ періодъ трансформации, но и въ эпоху революціи. Революцію

значительная часть участниковъ рабочей партіи — христіане и сплошь да рядомъ священники и епископы. Въ это же время социальное мышленіе и языкъ православія остаются наиболѣе архаическими, точно оно не замѣтило, что міръ измѣнился и что нужно опредѣлить свое отношеніе къ этому измѣненію. Часто можно подумать, когда слышишь этотъ языкъ, что мы живемъ въ патріархальномъ обществѣ, въ системѣ натуральнаго хозяйства и что это представляется абсолютно вѣчнымъ порядкомъ. Нужно сказать, что вообще вѣдь символика христіанства очень связана съ патріархальнымъ обществомъ и возникла въ періодъ патріархальныхъ отношеній. Но, вѣдь, и патріархальное общество, и натуральное хозяйство и вообще всякая политическая и социальная формы переходящи, входятся въ движеніи. Православіе часто въ своемъ социальномъ мышленіи, въ социальномъ языкѣ производитъ впечатленіе какъ будто-бы мы живемъ среди патріархальныхъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, въ то время какъ отъ патріархальнаго общества остались одни осколки. Нужно сказать, что уже передъ новымъ капиталистическимъ міромъ, — а капитализмъ былъ огромнымъ новшествомъ въ социальномъ строѣ человѣчества, — христіанство растерялось и не знало какъ на него реагировать, частично оттапливаясь отъ него, частично приспособляясь къ нему. Но творческой реакціи, творческаго выхода изъ того, что жизнью было поставлено — не было найдено.

Мы живемъ въ эпоху, когда человѣческій социальный базисъ Церкви мѣняется, это въ максимальной степени мы видимъ въ Россіи. Этотъ социальный базисъ будетъ по преимуществу рабочимъ, совершенно оставляя нерѣшеннымъ вопросъ, какова останется степень вѣрности массъ христіанству и христіанской истинѣ. Онъ будетъ рабочимъ и частично интеллигентскимъ социальнымъ бази-

нужно понять как переход от одной исторической эпохи к другой новой исторической эпохи. Это может происходить болѣе мирно и болѣе бурно, может быть кровавая революція на этомъ пути, может ихъ и не быть, но несомнѣнно нарождается какая то новая жизнь. Революція происходитъ, и никто не можетъ и не имѣетъ права устраниться отъ опредѣленія своего отношенія къ происходящему въ мирѣ. Безъ просвѣтляющей и одухотворяющей силы христіанства міру грозятъ не только внѣшнія катастрофы, — насъ почти не возможно удивить ими, скоро у насъ притупится даже острота воспримчивости къ нимъ, особенно у русскихъ людей, — но и внутренняя духовная катастрофа, т. е. погруженіе въ тьму и духовное варварство, окончательное утопленіе всякаго чувства въ океанѣ темнаго количества. Съ другой стороны христіанству грозитъ утеря его мирового значенія, оно можетъ остаться небольшою съ точки зрѣнія всемірно-исторической, замкнутой въ себя и внѣшне бездѣйственной силой. Это зависитъ цѣлкомъ отъ опредѣленія нашего отношенія къ социальному вопросу. Это сдѣлалось вопросомъ каждаго человѣка, почти что вопросомъ жизни каждаго человѣка, просто такое время наступило. Бывали времена, когда о социальномъ вопросѣ думали люди, имѣющіе специальное призваніе къ этому, наступило время когда для каждаго человека это стало неизбѣжнымъ, если онъ не хочетъ растеряться въ мирѣ. Социальный вопросъ есть въ величайшей степени духовный вопросъ и то, что это недостаточно признается, есть величайшее несчастье для человечества. Унижаетъ и компрометируетъ христіанъ, и христіанство говорить о наступленіи конца міра всякій разъ, когда происходитъ социальный переворотъ, когда кончается одна историческая эпоха и начинается другая, когда новые классы приходятъ къ господству и

замѣняютъ другія. Говорить о томъ, что это конецъ міра, означаетъ такую степень погруженности въ себя, въ свой узкій кругозоръ, въ свою прикованность къ отходящимъ формамъ жизни, которая бросаетъ тѣнь на христіанство, мѣшаетъ ему быть активной силой. У христіанъ можетъ быть очень острая апокалиптическая настроенность, ощущеніе чувства конца, внутренняя близость къ концу міра. Это имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, между тѣмъ какъ сплошь да рядомъ, смѣшивая два плана, придаютъ невѣрный смыслъ этому. Униженіе тельно для христіанскаго сознанія думать, что церковь можетъ существовать только въ опредѣленныхъ государствахъ и социальныхъ формахъ. Церковь можетъ переживать жестокаго гоненія въ извѣстный моментъ, какъ она переживаетъ ихъ сейчасъ въ совѣтской Россіи. Всегда бывають периоды, когда церковь можетъ переживать гоненія, но думать, что она можетъ принципиально существовать только при извѣстныхъ формахъ, которые въ извѣстный моментъ уходятъ, — есть униженіе природы Церкви, ея несоотвѣтствіе съ переходящими временными формами. Если міръ идетъ къ трудовому обществу, то конечно менѣе всего можно сказать, что христіанство не можетъ потерпѣть того, чтобы міръ пришелъ къ этому трудовому обществу. Это было бы почти издѣвательство надъ существомъ христіанства, забвеніемъ Евангелія. Мы знаемъ, что символика серпа и молота сдѣлалась символической враждебной кресту, но вѣдь это есть весьма сложная проблема, почему такъ случилось. Я думаю, что безъ вины самихъ христіанъ этого не произошло бы, но принципиально съ символической серпа и молота болѣе соединимъ крестъ, чѣмъ съ римскимъ правомъ или банковскими билетами. Надъ этимъ нужно задуматься. Христіанство не имѣетъ, и въ этомъ я думаю его сила, обязательной на всѣ времена единственной социаль-

ной системы. Это и означает, что человеческой свободѣ предоставлено социальное творчество, оно только должно быть внутренне олухотворено и христианизировано, что христианинъ можетъ и долженъ участвовать въ творческомъ социальномъ процессѣ.

В. Н. ИЛЬИНЪ

Господа, когда я думаю о современности, невольно приходятъ на память жгучія слова Ницше: «Hier stehe ich in mitten des Brandes der Braudung». Миръ въ огнѣ, употребляя слово индусской мудрости, и вопросъ о томъ, кто занежъ этотъ огонь и что вылавится, какой металлъ и въ какую форму, — это вопросъ самый актуальный. Я думаю, что огонь этотъ или посредственно или непосредственно христианскаго и во всякомъ случаѣ Христова происхожденія, что здѣсь рука Божія. Если мы вѣрующе люди, мы вообще не можемъ въ этомъ сомнѣваться, что здѣсь не только обычный судъ Божій надъ миромъ совершается, но что здѣсь и нѣкій творческій жестокій и страшный огонь: «Страшно впасть въ руки Бога живаго» — говорить ап. Павелъ, и я думаю, что этотъ моментъ здѣсь есть. И вотъ, когда ставится вопросъ объ отвѣтственности Церкви и государства, я невольно думаю о томъ, что съ одной стороны государство, — да, какъ будто бы отстало, уже не говорю объ Церкви, которая часто производитъ умилительно безпомощное впечатлѣніе, — я говорю о вѣчномъ въ Церкви, — да, есть какъ будто-бы что-то отставшее, а съ другой стороны — нѣчто, необычайно опередившее. Вообще есть необычайно страшное и ни на что не похожее въ дѣйствіи христианской закваски на миръ. Съ одной стороны нѣкій вѣчный устой, а съ другой стороны дѣйствительно закваска, т. е. ферментъ, нѣчто приводящее къ огненному броженію и горѣ-

взрывъ всей массы накопившейся ненависти, бросить классы на классы и націи на націи. Но пона этого не совершилось, пока есть какая-нибудь надежда, мы обязаны слушать призывы, обращенные къ христіанской социальной совѣсти.

О. С. БУЛГАКОВЪ

Я не беру для себя никакой нарочитой темы, а хочу сказать лишь нѣсколько словъ, чтобы выразить впечатлѣніе отъ слышанныхъ нынѣ рѣчей.

Для меня является, конечно, очевиднымъ, что Церковь стоитъ теперь передъ социальными задачами и не можетъ пройти мимо нихъ и, кажется, начинаетъ уже не проходить. Мнѣ хочется назвать только одинъ общеизвѣстный фактъ — это Стокгольмское движеніе, которое обнимаетъ въ себѣ всѣ христіанскія вѣроисповѣданія (кроме католическаго). Мнѣ хочется сейчасъ, однако-же говорить не объ этомъ, а объ одномъ загромутомъ фактѣ, о томъ, что Церковь въ исторіи отставала отъ социальной дѣятельности и съ другой стороны, что она выявляла въ себѣ тенденцію консервативную, которая становилась иногда и прямо реакціонной. Почему это такъ, въ чемъ причина этого историческаго факта? Конечно, самое простое разьяснить его такъ, какъ онъ разьясняется въ литературѣ безбожниковъ, т. е. изъ классовыхъ интересовъ. Такъ какъ я предполагаю, что изъ здѣсь присутствующихъ никто не будетъ пользоваться такимъ объясненіемъ въ исключительной степени, то надо спросить себя, какимъ образомъ это внутренне связано съ Церковью?

Когда мы говоримъ о Церкви, то обычно неясность и многозначительность этого понятія позволяютъ видѣть въ немъ то земное іерархическое представительство Церкви, то распространять его на все церковное общество и въ такомъ

случаѣ всѣ обвиненія становятся самообвиненіями. Но можно вообще говорить о духѣ Церкви, о природѣ ея, какъ она проявляется въ ея социальномъ творчествѣ. Дѣйствительно, Церковь отстаивала отъ жизни и отставала не случайно, а по нѣкоторымъ причинамъ, которыя внутри ея заложены. Какія это причины? Заключаются ли онѣ въ томъ, что эта тенденція соответствуетъ самому учению Церкви, самой ея природѣ, или же онѣ представляютъ собой лишь вторичное выявление одной изъ сторонъ жизни Церковной? Несомнѣнно последнее. Въ отношеніи Церкви существуютъ два противоположныхъ пониманія. Одно выражается въ томъ, что мѣръ, исторія, для вѣчности не существуютъ, не заслуживаютъ вниманія, самое лучшее, чтобы они были незамѣчаемы. Это была позиция Церкви не только во времена ея связи съ государствомъ, но и перво-христіанской. Перво-христіанская церковь не замѣчала государства, какъ и не хотѣла замѣчать социального вопроса. Апостоль Павелъ увѣщевалъ обращенныхъ христіанъ, преимущественно изъ низшихъ классовъ общества — «каждый оставайся въ томъ званіи, въ которомъ призванъ». И вообще если собрать тексты ап. посланій и соответствующія имъ дѣйствія, то, конечно, Церковь окажется консервативною въ отношеніи социального строя, именно въ ту эпоху, когда христіане ожидали пришествія Христа, вѣрили, что оно совершится въ самомъ скоромъ времени. Это отношеніе исходитъ изъ побѣднаго чувства вѣчности, превозмогающаго надъ временемъ, и это чувство побѣды вѣчности надъ временемъ настолько существовало для христіанства, что если бы его потеряла Церковь, она, конечно, перестала бы быть сама собой.

Мы спрашиваемъ себя часто, почему Церковь, съ ея духовными благодатными силами, Тѣло Христово, — почему она отстагаетъ отъ со-

ціальной жизни, а не идетъ впередъ? Почему она не стоитъ на передовыхъ постахъ въ социальномъ вопросѣ? Это вытекаетъ прежде всего изъ того общаго факта, что жизнь этого міра обусловлена не только творческимъ сознаниемъ, но она совершается и органически, стихійно и бессознательно. Есть христіанская легенда относительно того, что когда на Голгоѣѣ были распятъ Христосъ, то прозвучало въ природѣ: «Умеръ Великій Панъ». Это означало, что умерли тѣ индифферентныя природныя силы, которыя не имѣли для себя религиознаго коэффициента. Умеръ великій панъ — природа въ качествѣ божества, но она не утратила въ качествѣ природной силы мирового роста «ветхаго Адама», подобно тому какъ наше тѣло и даже душа возрастаютъ помимо нашей воли, такъ возникаютъ въ мирѣ и новыя социальныя образованія. И вотъ эти новыя образованія выступаютъ сначала какъ бы еще дохристіанскія, или религиозно-нейтральныя, но уже потенциально-языческія образованія. Эти образованія въ апокалипсисѣ обозначаются именемъ звѣря. Они, какъ и все послѣ Христа и какъ вообще всѣ духовныя силы, не могутъ оставаться религиозно индифферентными. Они оказываются не только звѣремъ, но и лжепророкомъ, и тогда возникаютъ тѣ болѣзненные и извращенныя ассоціаціи, въ силу которыхъ символика труда противопоставляетъ себѣ символикѣ креста, вмѣсто того, чтобы осѣняться имъ. И въ настоящее время Церковь застигнута тѣмъ, что изъ бездны, — въ смыслѣ этой природной стихіи, вышелъ социальный звѣрь и рядомъ съ нимъ социальный лже-пророкъ, который говоритъ его устами, и люди Церкви растерянно стоятъ передъ этимъ новымъ явлениемъ.

Есть, конечно, возможность, — и это есть въ извѣстномъ смыслѣ *широкій* путь — самообороны, — именно борьба съ лже-пророкомъ за истин-

ное пророчество. Это есть путь, отъ котораго Церковь никогда не можетъ отказаться, потому что это означало бы, что Церковь сама упразднила бы то, ради чего стоитъ жить — именно вѣреть въ Бога. Иной *сѣры* на самомъ дѣлѣ быть и не можетъ, ибо всякая иная «вѣра» не достойна называться этимъ высокимъ именемъ. Но эта позиція одной самооборонѣ недостаточна для самого христианства, потому что христианская Церковь должна бороться со лже-пророчествомъ не только отрицательно, но и положительно. Вся христианская догматика свидѣтельствуегь о томъ фактѣ, что христианскіе догматы вызываються къ формулировкѣ тѣми или другими еретическими учениями, подобныя же имѣются въ настоящее время въ области социальной жизни. Социальная жизнь, поскольку она опредѣляется безбожиемъ, есть не только догматическая борьба съ религіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстная ересь, именно ересь жизни. Ее недостаточно отвергнуть и назвать своимъ именемъ, но она должна быть положительна но преодоленна, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни. Въ этомъ смыслѣ то, что въ современномъ христианствѣ происходитъ, свидѣтельствуегь, что наступаетъ какой-то близящійся часъ отвѣта Церкви для победы надъ ересью. И этотъ отвѣтъ есть не только идеологическій, онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ историческаго и даже космическаго значенія, какъ вообще все, что совершается въ Церкви. Церковь имѣетъ въ себѣ не только божественныя силы, но и достаточныя догматическія основанія для того, чтобы вмѣстить въ свое ученіе отвѣты на тѣ вопросы, которые возникаютъ въ современной социальной жизни. Церковь имѣетъ идею Царства Божія, которое хотя осуществится за предѣлами этого міра, но совершается на землѣ. Не нужно думать, что первородный грѣхъ совершенно лишаятъ человѣка той благодатной силы,

которую даетъ Церковь. Что же побѣдѣ, — церковная благодать или первородный грѣхъ? Кто сильнѣе — Христосъ или антихристъ? И если мы такимъ образомъ поставимъ вопросъ, то это не заставляегь насъ постулировать новое наступленіе Царства Божія на землѣ, но мы необходимо должны вмѣстить въ свое пониманіе исторіи полное раскрытіе всемирно-исторической трагедіи, безъ чего не можемъ совершиться и дѣйствительное приближеніе конца исторіи, — Церковь должна явить себя въ мірѣ въ силѣ и правдѣ своей. Нерѣдко въ настоящее время противопоставляють апокалипсисъ и эсхатологію. Но апокалипсисъ включаетъ въ себѣ не только ученіе о томъ, что будетъ въ концѣ, но и о самомъ пути исторіи, который къ этому концу ведетъ. Христианская эсхатологія соединяегь въ себѣ не только сознаніе всегда близкой вѣчности за предѣлами жизни этого міра, но и вмѣстѣ съ тѣмъ и совершающееся во времени, въ исторіи апокалипсисъ, какъ путь къ этой вѣчности, со всею его необходимостью и значительностью. Апокалипсисъ ведетъ къ эсхатологіи, но эсхатологія не отрицаетъ апокалипсиса. Апокалипсисъ есть откровеніе Бога въ исторіи, откровенія вѣчности совершаются въ исторіи, о немъ возвѣщаетъ христианское пророчество... И наше время имѣетъ свои вопрошанія, ищетъ своего пророчества, и однимъ изъ этихъ вопрошеній является то, что условно теперь зовется социальный вопросъ.